

Это было давно, в моём далёком детстве. В один из весенних дней рабочие леспромхоза, проезжая с работы домой в посёлок Анастасино, привезли медвежонка. Он был совсем маленький, и пахло от него молоком. Он не кусался и не царапался, прижимался к нам, поскуливая жалобно, будто плакал.

Мама налила в бутылочку молока, надела на неё соску и напоила его. Когда он пил, он стонал, хрюкал и сопел. Мы по очереди носили его на руках, и он засыпал.

В вольере на улице жила собака Розка. Мы его поместили к ней, положили на солому. Розка его приняла как своего. Инстинкт материнства сработал. Тем более что на другой день Розка оценилась. Родила одного щеночка.

Когда утром мы прибежали кормить медвежонка, Розка лежала на боку, а щенок и медвежонок оба присосались к ней. Завтракали. Они чмокали, ворчали, хрюкали, а Розка положила на них лапу, как бы защищала от нас. Эта картина привела нас, детей, в восторг.

Медвежонка мы называли Машкой.

Машка росла быстро, и надо было её куда-то определять.

Напротив нашего дома стоял столб с флюгером. Там раньше был турник. Турник мы перенесли под крышу, и столб стоял в одиночестве.

Мальчишки смастерили медведице будку и поставили недалеко от столба. Накидали внутрь соломы.

Когда Машке надевали ошейник и цепь, она стала рычать, кататься по земле. Как же ей это не понравилось! Она даже есть отказывалась.

Потом злость сменилась на обиду. Она лежала в будке и не выходила несколько дней. И глаза были у неё печальные. Дня через три она всё же вылезла из будки, подошла к чашке с едой. Я стояла рядом. Она поднялась на задние лапы, махнула в мою сторону лапой, рыча и сверкая глазами. Я ей тихо сказала:

— Машенька, подрасти, тогда мы тебя вообще выпустим на волю.

Постепенно Машка свыклась со своей участью: бегала по кругу, сколько хватало цепи.

А щенок приходил к ней в гости. Они играли, катались по земле и визжали. А иногда и спали вместе в медвежьей будке. Щенок и медвежонок.

Машка удивляла нас своим поведением. В жаркие дни мы водили её купаться. Отец попросил бульдозериста вырыть яму в ручье. Получился маленький прудик.

Вот в этом пруду мы и купались. Машка смешно плескалась на нас водой: загребала её лапой и била по воде, поднимая фонтан брызг. Она свою радость не скрывала, озоровала и ныряла под воду.

Но незаметно лето подошло к концу. Машка подросла и стала большой медведицей. Мы пошли в школу. Ближе к октябрю она стала рыть землю, грустила и всё время смотрела в сторону леса.

И однажды она оторвала цепь от столба и убежала.

Как раз в эти дни приехал мой брат Миша. Поступив в политехнический институт и отработав в совхозе, он на несколько деньков заехал домой.

Миша дня три ходил искать Машку. И нашёл. Маша сидела на берёзе, а цепь болталась. По цепи он её и обнаружил.

— Маша, слазь, — позвал её Миша.

И она проворно спрыгнула. Миша дал ей хлеба и повёл в посёлок. Маша, не сопротивляясь, побежала. Миша договорился с работниками зоопарка, чтобы Машу туда приняли.

Приехали два мужика на грузовой машине с железной клеткой, посадили Машу и увезли.

Наше расставание было тяжёлым. Маша ревела, грызла прутья клетки, злилась. Но оставлять её было больше нельзя.

Мама сказала:

— Ребятишки, не плачьте, ей там будет лучше. А если её отпустить, то ещё неизвестно, как сложится у неё жизнь. Она ведь не приучена добывать пищу.

Вот так решилась судьба нашей Маши.

А мы долго вспоминали её и думали о ней.

Как она там устроилась? И не обижают ли её сородичи?